

«В твоей обработке письма получились замечательными, почему же ты не поставил и свою подпись? Ведь это наша совместная работа». Тогда Муса показал мне ряд статей и рассказов, подписанных псевдонимами «Апуш», «МЖ», «М», и пояснил: «Как ты думаешь, кто написал все это? Мал пока авторский актив, мне приходится многое делать самому». Это совсем небольшой и трогательный эпизод из жизни поэта, но сколько за ним раскрывается трудолюбия и бескорыстной любви к своему делу!

Очень интересна впервые полностью публикуемая на русском языке

статья Луи Арагона «Вот что произошло в Берлине» (из его книги «Советские литературы»), где писатель с огромным восхищением говорит о «Моабитской тетради», о подвиге Джалиля.

Воспоминания написаны многими людьми, знавшими Джалиля в разные периоды его жизни, и всех их объединяет одно: глубокое уважение и любовь к нему. Так, рассказ о самом поэте помогает глубже понять его поэзию, и образ замечательного поэта, мужественного и благородного человека становится нам ближе и роднее.

Ш. УМЕРОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ АБХАЗСКОГО ФОЛЬКЛОРА *

Книга Ш. Салакая — первое монографическое исследование основных жанров героического и историко-героического фольклора абхазов от древнейших сказаний о нартах до фольклора классового общества. Автор рассматривает историю собирания, публикации и изучения абхазского народно-поэтического творчества. Работа выполнена весьма тщательно: не оставлен без внимания ни один документ, ни одно свидетельство.

Исследуя древнейшие эпические сказания абхазов, автор объясняет причины преобладания героической тематики в их фольклоре исторической жизнью народа, полной непрерывных, ожесточенных войн. Методически правилен подход исследователя к вопросам историзма в фольклоре: если героический эпос характеризуется обобщенным, идеализиро-

ванным отражением исторической эпохи, обращением к мифическим образам, то в основе исторической песни лежит более конкретное изображение действительности.

Основное место в книге уделяется самому совершенному и монументальному творению народно-поэтической мысли абхазов — сказаниям о нартах и Абрскиле.

Молодой ученый довольно убедительно и аргументированно спорит с В. Абаевым и Е. Мелетинским по вопросу о времени, месте и этнической среде, в которой сложилось первоначальное ядро эпоса.

Исследователь анализирует сюжеты и образы героического эпоса о нартах и приходит к выводу, что в основе его первоначального ядра лежат представления первобытнообщинного строя на различных стадиях развития — матриархат, патриархат, разложение первобытной общины и переход к классовому обществу.

Интересен анализ эволюции об-

* Ш. Х. Салакая, Абхазский народный героический эпос, «Мецниереба», Тбилиси, 1966, 184 стр.

раза величественной матери нартов, которая превращается на протяжении жизни эпоса из мудрой и всемогущей главы рода в беспомощную женщину, хотя еще и не лишенную дара пророчества. Подобная же метаморфоза (только в обратном порядке) происходит с другим героем эпоса — Нарджхеу. Из глуповатого и униженного пастуха нартов в ранних пластах сказаний он вырастает в непобедимого героя — воплощение идеала физической и духовной красоты.

Центральным героем эпоса о нартах у абхазов является Сасрыква. Нет почти ни одного сказания, где он так или иначе не фигурирует. Но и он не избегает участи всех героев раннего цикла. На смену ему, герою матриархальной эпохи, идет герой нового времени — Цвицв, который борется уже не с какими-то мифологическими чудовищами, а с реальными врагами.

Большое место в исследовании занимают вопросы поэтики героического эпоса. Ш. Салакая придерживается точки зрения В. Абаева, полагающего, что нартский эпос, подобно русским былинам, дошел до нас в фазе циклизации. При определении понятия «героический эпос» он оспаривает мнение В. Проппа, который считает обязательным признаком героического эпоса песенную форму.

В книге дана характеристика различных изобразительных и выразительных средств эпоса — автор приходит к выводу, что основным средством характеристики героев в нем служит гипербола.

Детально, с привлечением для сравнений большого материала из сказаний о боготворцах у других кавказских народов (грузин, армян, осетин и др.), разбирает автор эпос об Абрскиле, имеющий типологическое сходство с греческим мифом о Про-

метее. Ш. Салакая предполагает генетическую связь между эпосом об Абрскиле и нартскими сказаниями.

Новым этапом в художественном мышлении народа исследователь считает историко-героические песни абхазов. Он пишет: «Эту ступень развития художественного мышления можно было бы назвать исторической, в отличие от мифологической, характеризующей более ранние этапы народно-поэтического творчества» (стр. 124).

Автор делит (в соответствии с характером ведущих мотивов) весь историко-героический фольклор абхазов на три основные группы: 1) памятники, повествующие о борьбе с иноземными захватчиками, 2) песни и рассказы о борьбе народа за социальную справедливость и 3) махаджирский фольклор — печальные песни-плачи и грустные рассказы о тягчайшей трагедии в истории абхазского народа — о насильственном изгнании абхазов во второй половине XIX века в Турцию.

Характерной особенностью песен социальных является месть народных героев за личное оскорбление, нанесенное князем. Автор совершенно прав, отмечая, что идеализируется не месть вообще, а месть священная, направленная против социального зла. В махаджирских песнях народ гневно осуждает колониальную политику царизма и пропаганду агентов султана, позорное предательство абхазских феодалов, променявших честь своей родины и народа на золото и серебро.

Говоря о поэтике историко-героических сказаний, автор отмечает, что тут мы не имеем законченных циклов фольклорных произведений во круг имен героев, как в архаическом нартском эпосе. В отличие от древнейших эпических сказаний в них

роль мифологической фантастики доведена до минимума.

По глубине и тонкости анализа, убедительности выводов исследование Ш. Салакая приближается к

лучшим книгам по фольклористике, вышедшим в последнее время.

А. АНШБА

г. Сухуми

ПРОСЛЕЖИВАЯ ПУТЬ ПОЭТА*

Поэзия Э. Межелайтиса — одно из наиболее интересных явлений современной литовской литературы. Последние его книги стихов, особенно «Человек», вызвали живой отклик и во всесоюзной критике. Однако до сих пор в большинстве случаев эти книги анализировались в отрыве от всего творческого пути писателя. Этот пробел в известной мере заполняет критический очерк Й. Ланкутиса «Человек» Э. Межелайтиса.

Очерк Й. Ланкутиса (особенно его литовский, расширенный вариант «Поэзия Э. Межелайтиса», изданный немного раньше) является первой попыткой дать развернутую характеристику творческого развития Э. Межелайтиса, раскрыть внутреннюю логику его поэтического пути. Эта задача тем более интересна, что за последнее десятилетие поэтика Э. Межелайтиса существенно изменилась и, на первый взгляд, черты, общие для более ранней и сегодняшней лирики, так же как и глубинные причины столь резких изменений, трудно уловимы. Раскрыть эти причины — значит постичь также и некоторые общие закономерности развития современной литовской литературы.

В очерке Й. Ланкутиса интересно прослежены истоки лирики Э. Межелайтиса, становление его таланта в

годы войны. Критик стремится раскрыть специфическое восприятие поэтом проблематики эпохи, выявить те черты его ранней лирики (связь человека с землей, с природой), которые ярко проступят в его творчестве в дальнейшем. Однако, пытаясь проникнуть в глубинное содержание произведений, отражающее основные противоречия эпохи, исследователь иногда несколько искусственно «приподнимает» стихотворения Э. Межелайтиса тех лет. Более обстоятельно нужно было бы показать трудности становления его таланта, некоторую склонность молодого поэта к эстетизму, «чрезмерно идиллический, сентиментальный тон» отдельных его произведений.

Содержательны замечания Й. Ланкутиса о развитии поэзии Э. Межелайтиса в сложной обстановке послевоенных лет, о стремлении поэта — не во всем, правда, последовательном — сказать в эти годы «полное слово правды о жизни народа». Критик убедительно раскрывает те способности, которыми лирика Э. Межелайтиса защищалась от «помпезной официальности», пыталась заговорить с читателем простым человеческим голосом. Думается только, что Й. Ланкутис недооценивает последствия свойственных Э. Межелайтису в этот период противоречий для дальнейшей его поэтической судьбы. Создается впечатление, что в последний период творчества, когда отпали чи-

* Йонас Ланкутис, «Человек» Э. Межелайтиса, «Художественная литература», М. 1965, 100 стр.